

Представляем Исследовательский комитет РАПН по мировой политике

Исследовательский комитет по мировой политике видит свою главную задачу в развитии данной области политической науки в России. На Всероссийских конгрессах РАПН, а также на Конвентах Российской ассоциации международных исследований в обязательном порядке организуются секции по мировой политике.

Особое внимание Исследовательский комитет уделяет новым проблемам мировой политики, в частности таким, как: *акторы мировой политики и современная политическая система мира* [Современная... 2007]; *гендерные аспекты мировой политики* [см. Тикнер 2006]; *политикообразующая функция высшего образования* в современном мире [Болонский... 2006]. В 2008 г. в рамках работы V Конвента РАМИ была организована секция по проблемам политической системы современного мира. В сентябре 2007 г. в рамках ЕСРР была проведена секция “Политикообразующая роль высшего образования” (рук. М.М.Лебедева), в которой приняли участия исследователи из Петербурга, Орла, Москвы, Чехии, Украины, Нидерландов, Португалии, ЮАР, Великобритании и др. стран. В 2009 г. в Праге Факультетом международных отношений Нижегородского государственного университета (под рук. проф. О.А.Колобова) совместно с Карловым университетом (Прага) был проведен научный семинар по проблемам интеграции высшего образования.

Исследовательский комитет по мировой политике приглашает к сотрудничеству всех, заинтересованных в развитии мировых политических исследований в России. С предложениями можно обращаться по адресу World_Politics@MGIMO.ru

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

М.М. Лебедева

Ключевые слова: мировая политика, международная политика, политическая система мира, Вестфальская система, трансграничность, сетевая дипломатия.

В последние десятилетия наблюдается бурное развитие мировой политики как научной дисциплины, что явилось отражением изменений, происходящих в мире начиная со второй половины XX в. Эти изменения коснулись прежде всего политической системы мира, а их следствием стало появление в международной повестке дня новых проблем.

Надо сказать, что сама постановка вопроса о политической системе наднационального уровня не является общепринятой. Традиционно в рамках политической науки термин “политическая система” относится к национальному уровню.

Неореалист К.Уолтц был первым, кто заговорил о политической системе мира, состоящей из государств и образуемой ими структуры [Waltz 1959], в том числе, союзов и межправительственных организаций. При этом К.Уолтц для обозначения процессов, происходящих на этом уровне, использовал термин “международная политика”. Впрочем, и понятие “мировая политика” довольно привычно для неореалистов. Оно присутствует даже в названиях книг, например Г.Була [Bull 1977]

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России. Для связи с автором: mmlebedeva@gmail.com

и Б.Бузана [Buzan, Herring 1998], но относится исключительно к межгосударственным отношениям.

В рамках реалистской парадигмы (с учетом ее различных модификаций) наднациональная политическая система оказалась представленной конфигурацией взаимоотношений лидирующих государств и получила название “система международных отношений”. Обсуждается три основных варианта таких взаимоотношений или три варианта системы международных отношений: многополярный, однополярный и биполярный, — и стабильность каждого из них. При всей эмоциональной привлекательности идеи многополярности в практическом плане проблемой остается вопрос, что же делать тем государствам, которые не являются лидерами и не образуют полюса? В свою очередь, в теоретическом плане в рамках такой парадигмы игнорируются государства, не являющиеся лидерами.

Согласно реалистским представлениям, смена различных конфигураций взаимоотношений государств-лидеров и представляет, по сути, историческое развитие, в ходе которого одни межгосударственные системы сменяют другие. Ожидать в этом развитии чего-то принципиально нового, иных конфигураций, которых не было ранее, не следует. Наверное, именно по этой причине, сторонник иной — неолиберальной парадигмы Дж.Розенау, давая интервью журналу “Международные процессы”, заметил: “....этнические конфликты, безопасность, международный порядок, биполярность, многополярность. Как это все-таки скучно!” [Розенау 2008: 72].

Другая логика рассуждений, представленная прежде всего неолиберальной концепцией, исходит из того, что наднациональная политическая организация (политическая система) не является раз и навсегда заданной не только в плане конфигураций, но и с точки зрения своей основы, а также принципов организации. Фундаментом современной политической системы мира стали принципы, заложенные Вестфальскими договорами 1648 г., где национальное государство рассматривалось единственным структурным элементом, а сама система — государственно-центристской. Поэтому в рамках данной логики рассуждения взаимоотношение государств-лидеров — лишь одна из характеристик политической системы наднационального уровня. Она являлась важнейшей до второй половины XX столетия, т.е. до тех пор, когда начались кардинальные изменения в самой системе.

Распространенной ошибкой является отождествление этих двух систем наднационального уровня: межгосударственной (взаимоотношения государств-лидеров) и политической системы современного мира (Вестфальской).

На сегодняшний день изменения в Вестфальской политической системе проявляются в том, что:

произошли качественные изменения в направлении транснационализации мировой политики;

идет расслоение государств, причем прежде всего по их отношению к самой системе;

изменяются традиционные функции акторов системы.

Активный выход на мировую арену негосударственных акторов — хорошо известный феномен, описанный еще более тридцати лет назад Дж.Наем и Г.Кохэйном, показавшими, что наряду с государствами, которые продолжают оставаться главными структурными единицами политической системы наднационального уровня, активную роль начинают играть негосударственные акторы

[Keohane, Nye 1972]. Другой американский исследователь — Дж. Розенау сформулировали идею о прозрачности внутренней и внешней политики [Linkage Politics... 1969]. Иными словами, открытость национальной политической системы и позволяет реализовывать трансграничную активность.

Очевидно, что выход политических акторов за пределы национальных границ всегда сопровождал историческое развитие. Принципиально и качественно новым к концу XX в. оказался совокупный масштаб воздействия этих акторов (по целому ряду параметров они стали превосходить государства), и что особенно существенно, происходит качественное усиление политической составляющей их деятельности. Кроме этого, как замечает Т.Риссе, “сама концепция транснациональных отношений предполагает, что мировая система состоит из национальных государств (*nation-state*) и социетальных акторов внутри этих государств. Это делает практически бессмысленным рассуждения о транснациональных акторах в исторические периоды, связанные с расцветом империй, или периодом средневековья” [Risse 2002: 259].

Прослеживая характер развития негосударственных акторов в современном мире, нетрудно увидеть постоянное увеличение их численности, резкое возрастание количества людей, которые включены в их деятельность, а также расширение сфер этой деятельности. Так, О.В.Гаман-Голутвина обращает внимание на взаимосвязи и взаимообусловленности политических и экономических элит глобального и национального уровней, которых не было ранее [Гаман-Голутвина 2008: 67-85]. Все большее распространение получает трансграничная активность внутригосударственных регионов [см. напр. Севастьянов 2009]. Подобных примеров множество.

74

Если ранее только крупный бизнес (прежде всего ТНК) выходил за пределы национальных государств (об этом написано немало работ), то в последние годы появляются исследования, в которых показывается, что трансграничность становится характерной чертой также малого и среднего бизнеса [см. напр. Fujita 1995]. Это означает огромное число людей, вовлеченных во взаимодействие за пределами национальных государств, что не может не влиять на их сознание и повседневное поведение.

Транснациональность распространяется, например, на сферу образования. Так, начиная с конца 1990-х годов, в связи с развитием Болонского процесса высшее образование преодолело границы национальных государств европейских странах. Можно ожидать, что в дальнейшем, когда выпускники вузов выйдут на определенный уровень своей профессиональной карьеры, они окажутся своеобразными “усилителями” транснациональных отношений в областях, где они работают [подробнее см. Лебедева 2006: 69-75]. Иными словами трансграничность в сфере образования стимулирует трансграничность в других областях.

Негосударственные акторы идут в те области, где прежде действовали только государства. Наиболее ярко это демонстрируется сферой безопасности. Приведем лишь два примера. Один касается деятельности Международной кампании за запрет противопехотных мин, другой — получивших развитие в последние годы частных военных компаний. В первом случае в результате инициирования и активной деятельности неправительственных организаций в 1997 г. было подписано межгосударственное соглашение — Оттавская конвенция о запрещении противопехотных мин, а сами неправительственные организации и лидер движения Дж.Вильямс были удостоены Нобелевской премии мира. Иными словами, подготовка согла-

шения в области безопасности, чем обычно занимались государства, была успешно проведена неправительственными организациями.

Частные военные компании — также новый феномен в политической жизни, получивший развитие с 1990-х годов. Это структуры, которые берут на себя функции, ранее характерные только для государств или межправительственных организаций. Они занимаются сопровождением грузов в зонах конфликта, обучением военных, предоставлением консультативных услуг в военном деле и даже участвуют непосредственно в боевых операциях [см. напр. Сафранчук 2008]. Подобная деятельность частных военных компаний получает все большее и большее распространение [Avant 2005].

Наряду с тенденцией порождения новых акторов в современном мире наблюдается их дифференциация в рамках одной категории. К негосударственным акторам (ТНК, НПО и т.п.), описание которых в научной литературе стало привычным явлением, прибавляются новые. Например, террористические организации существовали и ранее, однако лишь с появлением “Аль-Каиды”, выступившей с альтернативным проектом мирового устройства и заставившей пересмотреть концепцию национальной безопасности, в том числе и сильнейшего в военном отношении государства — США, стало возможным рассматривать их в качестве акторов мировой политики, существующих наряду с террористическими организациями, имеющими локальный характер.

Похоже, что новыми акторами становятся также и “глобальные” СМИ, которые ориентированы на аудиторию, разбросанную по всему миру, прежде всего, англоязычную. “Глобальные” СМИ способны отбирать и представлять информацию и тем самым влиять на политику государств, а также на определенные группы людей. Особенность СМИ как акторов заключается в сложных сетевых связях, которые они, соперничая и сотрудничая, устанавливают друг с другом, а также с государственными и бизнес-структурами [см. Зегонов 2009].

Следует подчеркнуть, что сетевые отношения характерны для многих других негосударственных акторов. Ими интенсивно пользуются, например, международные неправительственные, а также террористические организации. Существуют различные виды сетевых организаций, которые описаны в американской, а также в отечественной литературе, такие, как “цепочки”, “звезды”, “сложные матрицы” (крайне децентрализованные сети, объединенные общими религиозными, этническими, идеологическими ценностями) и др. [Мегатерроризм...2003].

Интересно, что в сетевых коммуникациях негосударственные акторы используют как новые, так и традиционные средства связи. Так, при организации Международной кампании за запрет противопехотных мин интенсивно использовалась электронная почта, которая была новым техническим средством в середине 1990-х годов. Распространилось мнение, что благодаря именно этому удалось столь эффективно провести кампанию. Однако сама Дж.Вильямс отметила, что “разумеется, простота и скорость коммуникации... повлияли на способность гражданского общества... к диалогу и формулированию глобальных политических стратегий, но сама по себе электронная почта ‘не двигала движение’... В своей повседневной коммуникации МКЗПМ в основном полагалась на факс и телефон” [цит. по Михеев 2005: 91].

Сочетание современных и традиционных средств коммуникации характерно было и для “Аль-Каиды”, которая, например, при подготовке террористическо-

го акта 11 сентября 2001 г. использовала Интернет и одновременно караваны торговцев, передвигавшихся по региону.

Большинство негосударственных акторов не только не игнорируют государство и межправительственные организации, но и активно сотрудничают с ними, хорошо понимая, кто является ключевым актором в современном мире. В то же время и государства заинтересованы в привлечении негосударственных акторов для решения тех или иных проблем. В результате образуются различные формы партнерства (частно-государственное партнерство), например, партнерство государства и бизнес-структур для противодействия терроризму [подробнее см. Лебедев 2007: 47–54]. Частно-государственное партнерство получило распространение в Европейском союзе. ООН также активно развивает сотрудничество с частным сектором и представителями гражданского общества.

При взаимодействии государства и международных организаций, с одной стороны, и бизнеса — с другой, разумеется, возникают и проблемы. Одна из наиболее известных и крупных таких проблем связана с реализацией программы ООН “Нефть в обмен на продовольствие”, которая действовала в период с 1996 г. по 2003 г. и позволяла Ираку продавать нефть с тем, чтобы обеспечить хотя бы минимальные потребности своего населения в продуктах питания. По ее итогам разразился коррупционный скандал, в ходе которого участники программы обвинялись во взяточничестве на сумму около 1,8 млрд. долл. США [б.г.а]. Этот пример примечателен тем, что лоббирование и коррупция, ранее имевшие национальную локализацию, также вышли на международный уровень.

76

Транснационализация коррупции, интенсификация поставок наркотиков, незаконной торговли оружием порождает дополнительные проблемы. К ним присоединяются проблемы, связанные с деятельностью особой категории акторов, террористов, пиратов и т.п., получивших название VNSA (*violent non-state actors*). Ситуация усугубляется тем, что современный уровень научно-технического развития позволяет небольшой группе людей нанести такой ущерб, который ранее был под силу только сильному государству, в том числе, с использованием ядерных компонентов. В качестве примера можно привести тот факт, что группе из 20 человек в принципе под силу изготовление ядерной бомбы [см. напр. Zimmerman, Lewis 2006: 33–39]. В этом смысле даже только угроза нанесения ущерба сегодня оказывается значимым фактором в мировой политике. Именно по этой причине столь серьезную озабоченность вызывает сама потенциальная возможность попадание в руки террористов элементов ОМУ.

В целом же деятельность всех негосударственных транснациональных акторов (и тех, кто вполне успешно сотрудничают с государствами, и VNSA) стала своего рода “внесистемным выбросом” для самой системы, которая, будучи государственно-центристской, вовсе “не предусматривала” их столь большую активность на мировой арене.

Еще большие структурные изменения произошли во второй половине XX в. на уровне государств, которые стали очень разными. Разумеется, государства никогда не были однородными и всегда различались по множеству параметров, в том числе по территории, экономическому развитию, политической организации и т.п. Однако ко всем этим параметрам прибавился еще один, ставший сегодня наиболее важным — отношение к системе, которая является политической основой современного мира, т.е. к Вестфальской системе.

Разрушение колониальной системы кардинальным образом повлияло на Вестфальскую систему. Во-первых, из системы ведущих государств она превратилась в общемировую или глобальную. Во-вторых, даже сам по себе факт резкого численного роста государств не мог не вести к структурным изменениям политической системы. В-третьих, — и это самое важное — новые государства, получившие независимость и включенные в Вестфальскую систему, по-разному вписались в нее. К сожалению, внимания всем этим процессам уделяется явно недостаточно.

Между тем, Вестфальские договоры 1648 г. представляли собой именно *систему* (в смысле происхождения она, безусловно, европейская), в рамках которой взаимодействие государств строилось с учетом суверенитета и права договора. Развитие Вестфальской системы на протяжении более трех с половиной веков стало возможным благодаря тому, что она очень “лояльно” относилась к вопросам устройства государств, которые она связывала. Предполагалось, что вопросы внутренней политики — это суверенное право самих государств. Данное обстоятельство позволило системе объединить в себе очень разные государственные образования. Но практически все эти государства при всей своей разнородности разделяли принципы и правила государственно-центристской системы.

До крушения колониализма государства, находящиеся за пределами Вестфальской системы, рассматривались по-другому, не так, как “собратья” по системе. И внутри ее, и за ее пределами велись войны (и это было нарушением правил системы), но это были разные войны. Было два разных мира: “мир Вестфали” и мир “вне Вестфали”, каждый со своими правилами. Однако если правила Вестфальской системы были едины, то “невестфальский мир” был представлен очень пестрым их набором.

77

После распада колониальной системы бывшие колонии буквально в одночасье стали национальными государствами и во второй половины XX в. вошли в Вестфальскую систему с ее достаточно хорошо разработанным международным правом, сложными институтами и т.п. Ряд государств во многом принял лишь формально “правила и нормы” Вестфальской системы, ориентируясь в повседневной жизни в значительной степени на родоплеменные правила и отношения. В результате количество “невестфальских государств” в Вестфальской системе оказалось весьма значительным. Иными словами, система стала включать в себе слишком большое количество чужеродных элементов.

Понятие “невестфальские государства” или “несистемные государства” весьма условное. Возможно, более точно было бы воспользоваться терминологией, предложенной Р.Купером, а также Дж.Погги [Cooper 2002; Poggi 2007: 577-595], которые говорят о государствах модерна, премодерна и постмодерна.

Если с государствами постмодерна (поствестфальскими) более или менее понятно — это на сегодняшний день страны Европейского союза, то с двумя другими группами — государствами модерна (вестфальскими) и премодерна (довестфальскими) — дела обстоят сложнее. Так, Сомали или Судан, где явно доминируют родоплеменные отношения, особых сомнений не вызывают, в то время как категоризация других современных государств далеко не столь однозначна.

Следует подчеркнуть, что не все государства премодерна оказываются несостоявшимися и вызывают проблемы. Более того, порождать проблемы для других могут государства вполне управляемые властями изнутри. Например, Северная

Корея с ее ядерной программой и запусками баллистических ракет постоянно вызывает беспокойство, хотя “несостоявшимся” это государство не является.

Можно согласиться с М.В.Харкевичем, когда он утверждает, что появление “несистемных государств” или “проблемных государств” только оттеняет саму систему, показывает ее сущностные характеристики [Харкевич 2009], но в практическом плане с этими государствами, бросающими вызов Вестфальской системе, возникает серьезная проблема. При этом необходимо учитывать и тот факт, что как и для негосударственных акторов, для “проблемных государств” современное состояние научно-технического развития открывают новые возможности создания угроз мировому сообществу. Кроме того, внесистемное поведение (т.е. несоблюдение правил Вестфальской системы) одними государствами побуждает других действовать аналогичным образом по принципу; почему нам нельзя, а другим можно? В результате рано или поздно в Вестфальской системе может сработать “эффект домино”.

Еще один феномен, нарушающий целостность системы, — наличие непризнанных государств, т.е. образований, обладающих необходимыми признаками государства, но не получивших международного признания (или получивших его лишь частично). Сам факт существования таких государств выводит за пределы Вестфальской системы ряд территорий и народов. Более того, некоторые из непризнанных государств предпринимают попытки создания системы, фактически параллельной Вестфальской. Примером здесь может служить образование в 2001 г. Абхазией, Нагорно-Карабахской Республикой, Приднестровской Молдавской Республикой и Южной Осетией Содружества непризнанных государств, получившее аббревиатуру СНГ-2 со своими дипломатическими контактами, договорами и т.п.

Все эти вопросы, связанные с государствами, их неоднородностью в отношении государственно-центристской системы, мало изучены на сегодняшний день и представляют широкое поле для будущих исследований.

Наконец, говоря о государстве, необходимо обратить внимание на следующую тенденцию. Изначально военный потенциал обеспечивал государству мощь и его позицию в качестве лидера на международной арене. Позднее значимую роль стала играть экономика. Классическими примерами здесь являются послевоенные Германия и Япония. Отдельно от экономики можно выделить энергетику. В качестве опять-таки классического примера приведем энергетический кризис начала 1970-х годов, когда США несмотря на свое военное и экономическое могущество вынуждены были сесть за стол переговоров с арабскими государствами — поставщиками нефти. К названным параметрам позднее добавилась массовая культура, понимаемая довольно широко. Сегодня ресурсный потенциал стал еще больше дробиться, и, наряду с военно-политическим и экономическим, которые определяют положение государства, учитываются научно-технический, инновационный, образовательный и т.д. Дальнейшее развитие в этом направлении и приумножение ресурсного потенциала возможно только при одном условии — развитии человеческого капитала. Таким образом, в самом общем виде ресурс от военно-политического, действовавшего на протяжении многих веков, через экономический (включая энергетику, новые технологии и т.п.), наиболее значимый во второй половине XX в., “сдвигается” в направлении “человеческого потенциала”. Свидетельством этому является огромное внимание, уделяемое высшему образованию в Европе.

Тенденция дробления ресурсного потенциала нашла отражение и в Концепции внешней политики Российской Федерации, где говорится: “На передний план в качестве главных факторов влияния государств на международную политику, наряду с военной мощью, выдвигаются экономические, научно-технические, экологические, демографические и информационные. Все большее значение приобретают: уровень защищенности интересов личности, общества и государства; духовное и интеллектуальное развитие населения; рост его благосостояния; сбалансированность образовательных, научных и производственных ресурсов; в целом уровень инвестиций в человека; эффективное использование механизмов регулирования мировых рынков товаров и услуг, диверсификации экономических связей; сравнительные преимущества государств в интеграционных процессах. Экономическая взаимозависимость государств становится одним из ключевых факторов поддержания международной стабильности. Создаются предпосылки для становления более кризисоустойчивой международной системы” [Концепция... 2008].

Однако из факта дробления ресурсного потенциала вытекает важное следствие. Лидерство государств на мировой арене, имевшее ранее ключевое значение, делается сегодня в какой-то степени “призрачным”, поскольку становится все менее однозначным: с одной стороны, областей, в которых возможно лидерство, оказывается больше, соответственно, и стран-лидеров — больше, так как сложно одному государству охватить все области. С другой стороны, ряд стран в виде ресурса начинают использовать несистемное поведение и в этом смысле становятся “лидерами”. Все это — дополнительная аргументация в пользу того, что проблема полярности и лидерства государств, по крайней мере, в том виде, как она существует сейчас, будет все менее актуальной в будущем.

79

Последняя из названных ранее тенденций современного мира — изменение функций акторов на мировой арене. Этот процесс также шел постепенно и, как и остальные, в полной мере стал проявляться со второй половины XX в. Удивительно, но данная тенденция остается практически без внимания исследователей, хотя фактов ее проявления множество. Без труда можно обнаружить примеры, когда межправительственные организации занимаются урегулированием внутригосударственных конфликтов (практически любой современный конфликт), в то время как внутригосударственные регионы заняты международной деятельностью (примером может служить активность Уэльса в рамках Европейского союза).

Однако самые удивительные смены ролей акторов мировой политики стали проявляться в XXI в. Государство вдруг, подобно транснациональным корпорациям, проявило интерес к “зарабатыванию денег”, что, кстати, явилось одной из причин разразившегося глобального экономического кризиса. Так, Исландия активно действовала на рынках Европы в качестве экономического игрока. Но если в отношении последних разработаны ограничительные механизмы, которые не позволяют им вести себя слишком рискованно, то в отношении национальных государств такие механизмы отсутствуют.

Масштабная деятельность негосударственных акторов в сфере безопасности упоминалась ранее. В качестве примера можно привести частную охранную Backwater [б.г.б] численностью более 20 тыс. человек, действующую, в частности, на территории Ирака и известную своими скандалами в связи с правонарушениями и немотивированным насилием. Такой частичный уход государства из сферы безопасности, конечно, позволяет ему не подвергать риску свои вооруженные силы

в зонах конфликта (а значит, не встает вопрос ответственности перед избирателем за человеческие потери), но одновременно порождаются проблемы, связанные с передачей частным компаниям прав на насилие, с контролем за действиями частных компаний и т.п.

Другой пример — изменение функций акторов на мировой арене. Современный бизнес все большее внимание уделяет социальной сфере, которая традиционно также принадлежала государству. Многие компании обеспечивают медицинскую страховку своим служащим, обучение и т.д. Важным элементом, появившимся в XXI в., стало то, что социальная ответственность бизнеса начала выходить за пределы собственной компании и распространяться на глобальный уровень. Это нашло отражение в Глобальном договоре [б.г.в]. Он подразумевает охрану окружающей среды, защиту прав человека, противодействие коррупции и т.д. Ранее подобная ответственность в глобальном масштабе была характерна для государств, межправительственных организаций, некоторых НПО.

Изменения функций акторов можно ожидать и в дальнейшем. По-видимому, межправительственные организации будут все в большей степени играть самостоятельную роль. В противном случае неминуемы очередные кризисы. Не случайно наблюдается возрастание интереса к проблемам, связанным с глобальным управлением [см. напр. Ellis 2009: 1-26].

Таким образом, в настоящее время происходит структурная и функциональная перестройка политического устройства современного мира, начавшаяся со второй половине XX в., ставшего глобальным после распада колониальной системы. Явно прослеживаются кардинальные изменения государственно-центристской системы, выраженные в том, что: 1) произошло ее расширение за счет других акторов; 2) ключевой актор — государство — оказался неоднороден по отношению к самой системе и ее принципам и при этом число “вестфальских” государств оказалось слишком велико; 3) все больше размываются традиционные функции (роли) авторов.

Вестфальская система, разумеется, менялась и развивалась на протяжении всего период своего существования. Однако во второй половине XX в. эти изменения затронули ее основы. В этом плане интересную параллель между серединой XVII в., перед тем, как была сформирована Вестфальская система, и концом XX в., проводит К.Холсти [Holsti 1995]. Сравнивая средневековую Европу с современным глобальным миром, он заметил, что в первом случае Европа, будучи единой по своим культурным и цивилизационным параметрам (после разрешения конфликта между протестантами и католиками), оказалась политически разделенной. Во втором — при крайнем усилении экономической интеграции, в политическом отношении мир представлен почти двумястами отдельными государствами. Если сопоставить эти два исторических процесса, а также принять во внимание, что сейчас идет речь о политической системе не только на одном континенте, как было ранее, а действительно во всемирном масштабе, то становится очевидным, что сам переход оказывается куда более значительным и сложным. Еще большую степень сходства обнаруживают Ч.Кегли и Г.Раймонд [Raymond, Kegley 2001]. Они определяют середину XVII в. и конец XX в. как поворотные точки в истории, когда одни модели международного взаимодействия сменяются другими. Для обоих периодов характерны изменения в политической жизни — появление многих новых проблем. Для того, и для другого периодов является типичным и “столкновение цивилизаций”, и “столкновение моральных ценностей”, и “столкновение взгля-

дов”. И тогда, и сейчас наблюдается распад больших национальных образований на более мелкие и т.д.

Один из вариантов поведения в этих условиях — попытки вернуться “назад” в Вестфальскую систему. Это проявляется в разных формах, например (в отечественной литературе), в требованиях строго следовать принципам национального суверенитета [см. Зорькин 2004: 18–24], в выявлении “реального суверенитета” [Кокошин 2006] и “суверенной демократии” [Сурков 2006], а также в принятии законодательства, ориентированного на усиление государственных структур и придание последним больших полномочий (например, в США после событий 11 сентября 2001 г. принимается закон, известный как “Акт Патриота” — *USA Act Patriot*) и т.п.

Стремление “вернуться назад”, к более жесткому выполнению норм Вестфальской системы, прослеживается и в области теории международных отношений. Не случайно в XXI в. в США получает распространение неоклассический реализм, который подчеркивает необходимость смещения исследовательских акцентов от изучения структуры международных отношений в целом, как это предполагается в рамках неореализма, к анализу внешней политики отдельных государств. Однако укрепления суверенитета не получается, поскольку сама система в ее нынешнем состоянии порождает множество внесистемных явлений. Более того, нередко методы, которые используются при этом, только еще больше расшатывают саму систему. Наиболее яркий пример здесь — попытки государственного строительства США в Афганистане и особенно в Ираке.

Другой путь — попытаться выстроить политическую систему с учетом прослеживающихся тенденций. Деловая активность, скорее всего, будет вести ко все большей трансграничности и усилению процессов взаимодействия, которые неизбежно должны предполагать прямые контакты, а могут быть опосредованы информационными и коммуникационными технологиями. Но одновременно через эту трансграничность будет выстраиваться целостность политической системы мира. Все это потребует выработки новых правил поведения, которые скорее будут строиться не на двухуровневой основе, как полагает Дж.Розенау (межгосударственная основа и негосударственная основа), а на многоуровневой с сетевыми и иерархическими связями. Одним из примеров подобного рода решения проблем может служить Всемирный саммит по вопросам информационного общества, созданный в соответствии с резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН. На втором этапе Саммита, которой прошел в Тунисе в 2005 г., приняло участие более 19 тыс. человек — представители государственных структур, деловых кругов и гражданского общества из 175 стран мира, а также ряд международных организаций. Около 50 делегаций возглавляли главы государств. Результатом работы стало принятие решений по таким дискуссионным вопросам, как управление Интернетом, преодоление цифрового разрыва между “Севером” и “Югом”.

Получат распространение, по-видимому, также многоэтапность согласований при принятии решений и разные формы дипломатической активности. Можно также прогнозировать многообразие форм взаимодействия и появление наряду с традиционными формами дипломатической деятельности новых. Одна из них — сетевая дипломатия, заявленная Россией в Концепции внешней политики Российской Федерации 2008 г. [Концепция... 2008].

Развитие мира и формирование его целостности вряд ли будет идти по пути гомогенизации. Напротив, скорее следует ожидать индивидуализацию и разно-

образии структурных единиц политического строения мира. Эти структурные единицы будут представлены всевозможными и разнообразными акторами, которые и будут заняты разработкой правил поведения на мировой арене. Будущее, как отмечала С.Стрэндж, определяют не армии или ресурсы, а то, в какой мере участник международного взаимодействия окажется влиятельным при определении новых “правил игры”, т.е. тех норм и принципов, на основе которых будет строиться взаимодействие [Strange 1989].

Развитие мирополитической реальности, очевидно, влечет за собой перестройку научной дисциплины. В обозримой перспективе можно ожидать оформление единой политической науки, которая включит в себя международные исследования и политологию, хотя отдельные работы, объединяющие обе дисциплины, проводятся давно. Одна из первых — исследование Г.Аллисона [Allison 1971], продемонстрировавшее на примере анализа Кубинского кризиса 1962 г., что внешняя политика государства должна рассматриваться как взаимодействие и конкуренция различных структур внутри государства.

Должно измениться и предметное поле сравнительной политологии. Ее основное внимание будет сосредоточено не только (может быть даже и не столько) на сравнительном анализе политических систем различных государств, сколько — на сравнительном изучении регионов, городов, международных организаций и т.п. Это будет своего рода “поствестфальская” сравнительная политология. Работы в этой области также ведутся уже сегодня [см. напр. Risse 2002: 255-274; Лебедева 2003: 28-38].

Наконец, можно ожидать много интересных исследований по конкретным проблемам в тех новых областях, которые порождаются в результате перестройки политической системы мира.

Болонский процесс: проблемы и перспективы (под ред. М.М. Лебедевой). 2006. М.: Оргсервис. Гаман-Голутвина О.В. 2008. Процессы современного элитогенеза: Мировой и отечественный опыт (часть 1). — *Полис*, № 6.

Зегонов О.В. 2009. *Роль “глобальных” СМИ в мировой политике*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М.: МГИМО(У).

Зорькин В. 2004. Апология Вестфальской системы. — *Россия в глобальной политике*, т. 2., № 3 (май-июнь).

Кокошин А. 2006. *Реальный суверенитет в современной мирополитической системе*. Изд. 2-е, доп. М.: Европа (серия: Мировой порядок).

Концепция внешней политики Российской Федерации. 12.07.2008. <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml>

Лебедев М.В. 2007. Международное сотрудничество в борьбе с терроризмом: роль бизнеса. — *МЭиМО*, № 3.

Лебедева М.М. 2003. Новые транснациональные акторы и изменение политической системы мира. — *Космополис*, № 3.

Лебедева М.М. 2006. Политикообразующая функция высшего образования в современном мире. — *МЭиМО*, № 10.

Мегатерроризм: новые вызовы нового века (под ред. А.В.Федорова). 2003. М.: Human Rights Publishers.

Михеев А.Н. 2005. *Принятие внешнеполитических решений в условиях развития новых информационных технологий: роль неправительственных организаций*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М.: МГИМО(У).

Розенау Дж. 2008. “...Квалификация подразумевает прежде всего поиск закономерностей...”. — *Международные процессы*, т. 6, № 3.

Сафранчук И.А. 2008. Феномен “частной силы” последствия для государственных и негосударственных акторов. — “Приватизация” мировой политики: локальные действия — глобальные результаты (под ред. М.М.Лебедевой). М.: Голден Би.

Севастьянов С.В. 2009. “Новый регионализм” Восточной Азии: теоретические и практические аспекты. — *Полис*, № 4.

Современная политическая система мира, акторы современной политической системы мира. Материалы 4-го Конвента РАМИ “Пространство и время в мировой политике и международных отношениях” т. 1 (под ред. А.Ю.Мельвиля; 1-й том под ред. М.М.Лебедевой). 2007. М.

Сурков В. 2006. Национализация будущего. — *Эксперт*, № 43 (537).

Тикнер Э. 2006. *Мировая политика с гендерных позиций. Проблемы и подходы эпохи, наступившей после “холодной войны”*. М.: Культурная революция.

Харкевич М.В. 2009. Государства-изгои как образ “другого” в мировой политике. — *Полис*, № 4.

Allison G. 1971. *Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis*. Boston: Little & Brown.

Avant D. 2005. *The Market for Force: The Consequences of Privatizing Security*. Cambridge: University Press.

Bull H. 1977. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. N.Y.: Columbia University Press.

Buzan B., Herring E. 1998. *The Arms Dynamic in World Politics*. Boulder, L.: Lynne Rienner.

Cooper R. 2002. The Post Modern State. — *Re-Ordering the World: The long-term implications of September 11th* (ed. by V. Leonard). L.: Foreign Policy Centre.

Ellis D. 2009. On the Possibility of “International Community”. — *International Studies Review*, vol. 11, № 1.

Fujita M. 1995. Small and Medium-sized Transnational Corporations: Salient Features. — *Small Business Economics*, № 7.

Holsti K.J. 1995. *International Politics: A Framework for Analysis*. New Jersey: Prentice Hall.

Keohane R.O., Nye J.S. 1972. Introduction. — Keohane R.O., Nye J.S. (Eds.) *Transnational Relations and World Politics*. Cambridge: Harvard University Press.

Linkage Politics: Essays in Convergence of National and International Politics (ed. by J. Rosenau). 1969. N.Y.: Free Press.

Poggi G. 2007. States and state systems: democratic, Westphalian or both? — *Review of International Studies*, v. 33.

Raymond G.A., Kegley Ch.W. 2001. *Exorcising the Ghost of Westphalia*. New Jersey: Prentice Hall.

Risse Th. 2002. Transnational Actors and World Politics. — *Handbook of International Relations* (ed. by W. Carlsnaes, Th. Risse, B.A. Simmons). L.: Sage.

Strange S. 1989. Toward a Theory of Transnational Empire. — *Global Changes and Theoretical Challenges: Approaches to World Politics for the 1990's* (ed. by E.-O. Czempiel and J.N. Rosenau). N.Y.: Lexington Books.

Waltz K. 1959. *Man, the State, and War*. N.Y.: Columbia Univ. Press.

Zimmerman P.D., Lewis J.G. 2006. The Bomb in the Backyard. — *Foreign Policy*, November/December.

б.г.а. <http://www.rian.ru/spravka/20051028/41923319.html>

б.г.б <http://www.blackwaterusa.com>

б.г.б <http://www.un.org/russian/partners/unglobalcompact/index.html>